

Сказать или промолчать?

Анастасия Полякова

Прошло четыре дня с того момента, как они в последний раз говорили с Яреци. Все это время Настя провела в тягостных раздумьях, но так и не смогла принять хоть какое-то решение. Все чаще её посещали мысли о том, что лучше бы она не заметила тогда подругу или просто не стала бы начинать разговор. Насколько проще все было бы сейчас! Но душевный покой был утрачен, привычные образы разлетелись на осколки, а новые никак не могли соединиться с тем, чему она сама была свидетелем.

Настя злилась. На Яреци - за то, что рассказала о прошлом брата, на Маркуса - за то, что в прошлом многие его поступки были столь неблагоприятны, на себя - за то, что вообще начала тогда в беседке разговор с Маркусом и стала позже рассказывать о нем подруге. Но больше всего на себя. Потому что ей так тяжело оказалось принять человека таким, какой он есть. Потому что у неё не получалось принять его таким, какой он есть. Потому что она даже не представляла теперь, как быть и что делать.

Пока Маркус находился за пределами монастыря, Настя была более-менее спокойна. Потому что без него, по правде, было гораздо проще. Не надо было следить за словами или говорить о прошлом, предаваться тягостным воспоминаниям и подбирать слова утешения. И, наверное, было бы несложно разорвать эти странные отношения сейчас, когда они только-только познакомились, когда у неё есть хороший предлог, оправдание. Но правда была в том, что Настя уже не могла прекратить все это. Никак, ни под каким предлогом. Если это была та самая любовь, о которой говорила Яреци, то Настя - полнейшая идиотка, раз мечтала о ней. Как же правдивы были слова: бойтесь исполнения своих желаний. Как жаль, что Настя раньше не придавала им значения...

А сегодня Маркус вернулся. Едва увидев его на трапезе, Настя замерла столбом посреди прохода. Потому что она была совсем не готова. Почему же он приехал так скоро, когда она не знает даже, что ему сказать и как себя с ним вести? Как обычно? Уже не выйдет. Игнорировать? Не поймет, а Настя вряд ли сможет объяснить. Сказать все прямо? А хватит ли у нее на это духу? И даже мысль о том, что ее поступок возвратит Маркуса к состоянию, в коем он пребывал в их первую встречу, была невыносима. Так что стоило парню повернуться в её сторону, Настя поспешно сбежала, надеясь, что он её не заметил.

Вот только всю жизнь не пробегаешь. А сколько сожалений её может ждать в будущем, если она просто отступит, предпочтет сделать вид, что ничего не было, что никогда не знала она никакого Маркуса? А что будет с самим Маркусом!? Примет ли он подобное предательство?

Стоять перед закрытой дверью в его комнату с каждой минутой становилось все страшнее. Настя осторожно подняла руку и, затаив дыхание, постучала. Попыталась, потому что в последний миг испуганно отдернула руку. "Я должна, - твердила она самой себе, - я должна. Ну же, будь смелой, Настя. Поздно отступить."

Давай.” Решившись, девушка едва слышно постучала костяшками пальцев по двери и замерла в ожидании.

Маркус Агирре

В разговоре с отцом самой лёгкой была тема его способностей. Точнее, одной способности. Рикардо не сильно удивился, когда Маркус сказал, что превращается в гиену и вроде бы принял своего зверя. Парню показалось, что отец знал об этом от Яреци, ведь сестра никогда не держала язык за зубами. Он не знал, как реагировать на то, что отец об всём знает, поэтому просто сказал, что хочет вернуться в монастырь. Отец дал ему денег и попрощался с ним.

А в монастыре было все как обычно. Только теперь у него была единственная ель - это попросить у Яреци и Тору прощения. Он это сделал, и если Яреци его простила, то её муж оставил о нём нейтральное отношение. В принципе, он не ждал, чтобы все его вот так просто и быстро простили и стали любить, так что такой вариант развития событий его вполне устраивал.

А ещё по возвращении в монастырь он хотел встретиться с Анастасией и рассказать ей о своих успехах. Вчера он её не заметил на трапезе, и это породило у него мысли, что она уехала домой, и он её больше никогда не увидит. Он не хотел расставаться с ней, не принимал того, что больше никогда не увидит её. Но он не стал стучаться в её комнату, понимая, что не знает, что ей сказать. А сегодня он её случайно увидел в столовой, только вот она очень быстро убежала, как будто не хотела его видеть. Он нахмурился и, быстро поев, направился на её поиски.

Поиски привели его к её комнате, и он постучался в дверь. Никто не открыл, и Маркус направился обратно к себе. Закрыл дверь и повалился на постель. Включил телефон и стал смотреть фильм про своего зверя, который скачал, пока был в Пекине. Это позволяло хоть немного отвлечься от своих мыслей, которые крутились вокруг девушки. Почему она так быстро убежала, сделав вид, что её не было там?

В какой-то момент раздался стук в дверь, и он поставил на паузу фильм и нехотя поднялся с кровати. Подошёл к двери и открыл её. Увидев на пороге Настю, он слабо улыбнулся и сделал приглашающий жест рукой.

- Привет. Я... скуучал по тебе. Я тебя не видел, и подумал уже было, что ты уехала, и мы никогда больше не встретимся с тобой, - сказал он.

Анастасия Полякова

Услышав приближающиеся шаги, Настя захотела только одного: сбежать куда подальше, желательно - домой, к семье, и сделать вид, что никогда она дом и не покидала, ни в каком монастыре не была и не знала ни Маркуса, ни Яреци, ни кого бы то ни было из тех, кто умеет читать мысли или превращаться в зверя. Сбежать не получилось. И вовсе не потому, что Настя собралась, заглушила страх и все в том же духе. А потому, что вдруг поняла, что не может сдвинуться с места, словно ноги у нее к полу приклеились.

Маркус выглядел каким-то уставшим и на нее смотрел так, словно что-то потерял, а теперь нашел. Девушка неуверенно переступила порог, не зная, куда себя деть от

охватившего ее смятения. Неужели и правда... скучал? И как-то не по себе стало, когда Настя подумала, что она и правда могла уехать и никогда больше они бы не увиделись.

- Привет, - промолвила наконец Настя, с трудом выталкивая из себя слова. - Как съездил? Я не помню, говорил ли ты мне, куда собирался, извини, - говорить было чисто физически тяжело, и девушка не знала, с чем именно это связано: с тем, что она подсознательно ждала от Маркуса обмана, или же просто боялась сказать что-то лишнее, начать швыряться обвинениями и рассказать все, о чем поведала ей Яреци. Как бы там ни было, сейчас ее спонтанность и болтливость были совсем не к месту. Следовало подумать, как начать этот разговор-допрос. Вот только в голове не было абсолютно никаких идей, и девушка подумывала уже, что лучше, наверное, и не начинать. Ведь прошлое - это прошлое. Его уже не поменяешь, оно было и прошло. А сейчас, здесь, в настоящем, Маркус ведь совсем другой. Так стоит ли ворошить то, что никому из них не принесет радости?

Настя не знала, честно. За собственный страх было стыдно. Более того, девушка понимала, что пришла-то как раз об этом прошлом поговорить, во всем разобраться и закрыть, наконец, эту тему. А если она сейчас уйдет, так и не рассказав о том, что терзало ее эти дни, ее так и будут мучать сомнения и подозрения. Покой будет утрачен. Да и сможет ли она в принципе общаться с Маркусом, как раньше? Так что Настя собрала все свои силы и произнесла:

- А я несколько дней назад с Яреци виделась. Мы... говорили. Обсуждали, что произошло. Я рассказала ей про тебя. Это ничего? - неуверенно уточнила девушка. - Ты не в обиде, что я ей о нашем знакомстве рассказала?

Спрашивать, конечно, было поздно (рассказала ведь уже!), но надо было как-то завязать разговор на нужную тему, и ничего лучше ей в голову не пришло. К тому же, а вдруг и правда Маркус не хотел сестре об их знакомстве рассказывать. А тут Настя, не способная удержать язык за зубами, вывалила на подругу и свои, и чужие проблемы. И почему только она не может просто сделать вид, что все нормально, и промолчать?

Маркус Агирре

Девушка выглядела какой-то странной. Она прошла в его комнату, и он закрыл дверь и посмотрел на неё. Хотел сначала её обнять, но потом решил, что это было лишнее, ведь они не были друзьями или близкими людьми. По крайней мере, он не был уверен, что является для нее близким человеком. Он глубоко вздохнул и посмотрел в окно. Её голос показался ему наигранно безразличным.

- Я уезжал. По делам. Надо было встретиться с отцом, - ответил он будничным тоном, а потом посмотрел на неё. Удивился, что она познакомилась с Яреци, хотя в этом не было ничего удивительного - он сам рассказал ей о своей сестре, поэтому удивляться уже не было смысла. - Не в обиде, конечно, - улыбнулся он. Хотя он понимал, что о нём сестра ничего хорошего рассказать не может. Ему показалось, что девушка хочет поговорить о чём-то, что знала Яреци. Наверное, Яреци говорила о том, что он такой плохой, никогда никого не любил, только использовал, и что вообще от него нужно держаться подальше. Сестра такое спокойно может сказать, ведь она его никогда не любила. Его вообще никто никогда не любил. И сейчас тоже

его вряд ли любят. Кто он такой, чтобы его любили?

От этих мыслей стало тяжело на душе, и он хмыкнул. Указал на вторую циновку рукой.

- Присаживайся, если тебе вообще хочется находиться рядом со мной, - вздохнул он, стараясь сделать свой голос безразличным, но он предательски дрогнул. Он посмотрел на девушку и понял, что, наверное, она сейчас уйдёт, скажет ему, что не хочет иметь с ним ничего общего. Ведь будет странно, если она останется. Он хотел что-то сказать, но слова застряли в горле, и он глубоко вздохнул и прислонился лбом к окну и прикрыл глаза.

Анастасия Полякова

И вот опять, началось. Как же тяжело, как невыносимо тяжело и сложно с ним было. Настя не успела еще ничего сказать, честно старалась быть вежливой и уже наделала кучу ошибок. Как бы ей сейчас пригодились какое-нибудь пособие или свод правил, как себя вести с этим сложным молодым человеком! Потому что у нее явно выходило так себе.

- И как встреча? - осторожно поинтересовалась девушка. - Все хорошо? Вы помирились?

Наверное, сейчас Настя как никогда прежде радовалась тому, какая у нее семья. Потому что она бы с ума сошла от отчаяния, если бы состояла в конфликте с отцом или матерью. А еще потому, что она бы не вынесла одновременно и своего, и чужого горя. Проблемы Маркуса ей самой причиняли такую боль, что она еще долго не могла оправиться. И временами и правда думала, что лучше бы, наверное, она не вызывала его на откровения.

- Если бы не хотела, я бы не пришла, - мигом вскинулась Настя. И устало выдохнула, увидев реакцию Маркуса. Ну почему же все так непросто? Хотелось просто рухнуть наземь и расплакаться. Почему все не может быть легче, проще и радостнее? Ну вот почему? - Маркус, - Настя подошла к нему ближе и, колебавшись мгновение, осторожно обняла, готовая в любой момент отскочить в сторону и пробормотать что-нибудь в оправдание, - я не знаю, чем успела тебя обидеть, но как бы там ни было, прости меня, пожалуйста. Я ведь не ссориться с тобой пришла, а просто поговорить. Мне жаль, если тебя это так расстроило.

Настя на мгновение прикрыла глаза.

- Наверное, не стоило мне приходить.

Девушка отступила на шаг, готовая уйти, как только ей укажут на дверь.

Маркус Агирре

Анастасия какое-то время молчала, и Маркус не знал, как себя с ней вести. Ему хотелось рассказать ей что-нибудь или даже выслушать, если она начнет поднимать какую-нибудь непростую тему, которая касалась его отношений с отцом или с Яреци. Ведь вряд ли сестра ничего не рассказывала. Да и Насте ничего не стоит просто залезть в его мозг и узнать, что он когда-то делал. По его мнению, он не делал ничего плохого. Потому что его не учили что-то делать по-другому.

- Мы поговорили, - пожал он плечами. - Он... ему нужно было улетать в очередную поездку, но накануне вечером он вышел за сигаретами, и его оглушили ударом по голове и ограбили. Я помог ему обратиться в больницу, и на следующий день мы с ним поговорили. Я... простил его, - слабо улыбнулся молодой человек. - Он мне много раз говорил в детстве, чтобы я ночами не шлялся по сомнительным районам, а получилось, что он сам попал в такую ситуацию. Он ненавидит врачей и даже хотел сбежать из больницы. Хорошо, что диагноз не подтвердился, и он поехал дальше.

Маркус замолчал и оторвал от окна голову. Посмотрел на улицу. А потом она легонько его обняла, говоря, что пришла просто поговорить, и в ту же секунду отступила от него на шаг. Он нахмурился и вздохнул. Потом развернулся и внимательно посмотрел на девушку. Подошёл к ней сам и положил руки на её плечи и посмотрел в её глаза. Если бы он обладал этой чёртовой ментальной магией, то он бы обязательно заглянул в её сознание, чтобы понять, что творится в её голове. Но он не был магом, он был просто животным, которое, как ни странно, принял отец. И хоть о магическом монастыре говорить было легче, чем обо всём остальном, его сознание не покидали мысли, что отец не захочет иметь с ним ничего общего. Потому что он как-то слишком быстро попрощался с ним в аэропорту, когда Маркус сказал ему про своего монстра.

Маркус смотрел в её глаза, будто бы приглашая её прогуляться по его сознанию, хотя и был уверен, что потом ему это её вмешательство не понравится. Но она хотела поговорить с ним. Но о чём?

- Не уходи, пожалуйста. Мне... было плохо без тебя, - выдавил он из себя и наклонил голову, чтобы поцеловать её в губы, а потом мотнул головой и просто крепко обнял. - Она тебе что-то рассказывала про меня? Про то, что надо от меня держаться подальше, потому что я монстр? - Он горько хмыкнул.

Анастасия Полякова

Маркус положил руки ей на плечи, и Настя неуверенно подняла голову. Посмотрела ему в глаза и подумала, что, наверное, впервые ей совсем не хочется проникать в его сознание и что-то там выискивать. И впервые сам Маркус будто бы и не против, чтобы именно так она и поступила. Как удивительно и странно все перевернулось! Но ей хотелось, чтобы Маркус рассказал все сам, от начала и до конца, без умалчивания и лжи. Чтобы все недомолвки исчезли, они узнали все, как есть, и наконец могли общаться спокойно, оставив все плохое позади.

- Мне тоже, - призналась Настя, уткнувшись носом ему в рубашку. Щеки у нее горели, и девушка честно не знала, как ей реагировать на происходящее. Но из объятий вырываться не стала. Только подумала, что вовсе не так она планировала обсуждать слова Яреци. Но с Маркусом никогда ни в чем нельзя было быть уверенной: слишком плохо она его знала, а может, и не знала вовсе.

- Она вовсе не считает тебя монстром, - возразила Настя. Упрямо вскинулась, намереваясь отстаивать свою точку зрения до победного конца и во что бы то ни стало выбросить из головы парня весь этот мусор. - И я не считаю. Никто не считает,

вообще-то. Никто, кроме тебя самого, Маркус.

Настя резко смолкла, вспомнив, что именно пришла обсуждать, и подумала, не зря ли она сейчас столь уверенно разбрасывается подобными заявлениями. Не переменится ли ее отношение, когда они расставят все точки над "i"? А потом вдруг поняла - сознание этого легким незримым облаком скользнуло к ней, даря ощущение тепла, - не изменится. Ее отношение к Маркусу не переменится, что бы он ни сказал ей сейчас. Потому что он не монстр. Что бы он ни натворил, он не монстр - вот и все тут. Точка. Обжалованию не подлежит.

И уже куда свободнее Настя продолжила:

- Были некоторые моменты, которые вызвали у меня... вопросы, если можно так сказать. Точнее даже... не знаю. Может быть, мне будет достаточно ответа всего на один из них...

Девушка замолчала, переводя дух и давая Маркусу время разобраться в ее словах: в первую очередь, решить, а хочет ли он в принципе что-то ей рассказывать. Потому что вынуждать его силой Настя уж точно не будет, не ее это метод. Да и вряд ли из такого разговора выйдет что-то хорошее.

Как будто из него в принципе может выйти что-то хорошее... Но ведь может, в этом Настя была уверена так же, как в том, что дважды два - четыре, а параллельные прямые никогда не пересекутся. И это хорошее обязательно нужно найти.

Маркус Агирре

Когда девушка уткнулась в его рубашку носом, он почувствовал что-то в душе. Легонько её обнял, а потом сделал это крепче. Прижал к себе и понял, что не хочет ее никуда отпускать.

- Я бы не стал так уверенно говорить, что я не монстр, - вырвалось у него прежде чем он остановил свой язык. Радовало только то, что произнесено это было достаточно тихо и Настя могла это не услышать. Пожалуйста, пусть она это не услышит. Потому что в этом случае она даже слушать его не будет.

Представив, что она сейчас уйдет, оставив его одного, назвав монстром, и больше никогда не захочет говорить с ним, он вздрогнул и снов крепче прижал ее к себе, а потом неожиданно поцеловал в шею. Вдохнул легкий цветочный аромат ее шампуня для волос и прикрыл глаза, немного отпустив хватку. Нет, она не бросит его. Она же не бросила его в беседке, она не бросила его в деревне, когда ему было плохо. Она... она добрая и нежная девушка. И ради нее ему надо постараться измениться. Но как измениться? Что рассказать о себе, чтобы она действительно не ушла?

- Вопросы? - Он с трудом оторвал себя от нее и облокотился о подоконник. Опустил голову и стал рассматривать свои руки. - Хорошо, я... отвечу на твои вопросы. Я даже могу догадаться, что за вопрос ты хочешь задать, но... я не буду ничего от тебя скрывать, Настя. Потому что ты мне нравишься.

Да что же с его языком сегодня такое?! Как будто его язык ему перестал принадлежать. Но это уже было сказано, и он вздохнул и поднял глаза на девушку.

Если она сейчас уйдет, то он попробует максимально точно запомнить ее образ. И, возможно, тогда он не будет больше казаться себе одиноким?

Анастасия Полякова

Настя услышала, как Маркус проговорил что-то едва слышно - кажется, опять твердил, что он монстр, - но не стала обращать на его слова внимания. Когда дело касалось его способностей к обращению, парень был на удивление самокритичен. А твердить постоянно, что он ошибается, что он не монстр, не было никакого смысла. Лучше просто быть рядом и не словами, а делом доказать, что он такой же человек, как она, как все обитатели монастыря, со своими уникальными способностями, вот и все. А ошибки... ошибки у каждого случаются. Потому что нет в этом мире непогрешимых.

Едва Маркус поцеловал ее, Настя непроизвольно коснулась пальцами шеи и смущенно улыбнулась. Ему явно было непросто, и девушка изо всех сил старалась не усугубить ситуацию, дать ему время собраться с мыслями, решиться на что-то. Ей и самой уже не очень-то хотелось обсуждать услышанное от Яреци, но это нужно было сделать. Просто узнать о том, что было, потому что пусть лучше Маркус расскажет ей, что именно сделал и почему поступал именно так, а не иначе, чем кто-то другой, не имеющий никакого отношения к тому, что происходит с ними двумя.

- Яреци сказала, что ты что-то подсыпал в еду ее матери и та вела себя... не совсем адекватно, - Настя просто рассказывала, потому что не знала, как спросить, да и не совсем понимала, что именно спрашивать, и надеялась только, что Маркус сам что-нибудь скажет и поможет разобраться в произошедшем. - И еще... что все твои интересы крутились только... вокруг денег... твоего отца. Что... именно после этого случая он тебя выгнал.

Настя перевела дух и неожиданно для себя призналась:

- Ты мне небезразличен, Маркус, и я постараюсь понять и принять тебя, что бы ты мне сейчас не поведал. Я обещаю.

Маркус Агирре

Девушка тоже выглядела смущенной, и он пока постарался держать дистанцию с ней, чтобы ее не спугнуть. Все-таки разочаровать и испугать человека намного легче, чем его расположить к себе, поэтому надо стараться говорить осторожно и правильно подбирать слова. Это оказалось тяжело, потому что ему предстояло ответить на эти вопросы. Он несколько минут назад сказал, что ничего не будет от нее утаивать, что все расскажет, а получилось, что он может ее обмануть, сказав, что это не ее дело.

Он глубоко вздохнул и закрыл глаза. Потом снова отвернулся к окну и прислонился лбом к стеклу.

- Я... никогда не был правильным... может быть, это было из-за того, что я не был никому нужен? - В голосе проскользила боль. - Но я... да, Яреци права. Я травил свою тетку, я хотел, чтобы она уговорила моего отца отдать мне все наследство. Отец... он никогда не разговаривал со мной. Откупался деньгами. А потом... они пришли раньше, он не должен был ничего знать. Он меня выкинул на улицу, и я... а

потом появился зверь. Моя звериная сущность - это, наверное, наказание. А может, наоборот, спасение. Я... был ничтожеством... да я и до сих пор ничтожество.

Все это Маркус говорил спокойным будничным тоном. В какой-то момент ему захотелось просто остаться в одиночестве, продолжить смотреть фильм и готовиться к поездке в Африку. Он, наверное, хочет туда поехать. Помолчав немного, молодой парень открыл глаза и повернулся к девушке. Посмотрел на нее и хмыкнул.

- Осуждаешь меня, да? - В голосе проскользила боль, но она была скрыта за безразличием.

Анастасия Полякова

Настя слушала. Просто слушала. Не показывая ни гнева, ни разочарования, ничего. Маркус прерывался, перескакивал с темы на тему, и это обстоятельство лучше всего показывало, как сильно он был взволнован и как непросто ему было сейчас. И все же тот факт, что слова Яреци оказались правдой (у Насти не было ни малейших причин не верить подруге, но впервые в жизни она была бы счастлива, если бы ей солгали), что говорил об этом Маркус так спокойно, словно речь шла о совершеннейшем пустяке... Все это не могло не ужасать.

По правде, Настя вряд ли смогла бы сказать, какие именно чувства овладели ей в этот миг. Злость, гнев, отвращение, жалость? Она не знала. Все перемешалось в такой причудливый коктейль... Комок подкатил к горлу, и девушке казалось, что какая-то невидимая удавка душит её, с каждой секундой все сильнее обхватывая шею.

Осуждала ли она его сейчас? Да! Глупо было отрицать очевидное. И теперь Настя разрывалась меж двух желаний: просто промолчать, потому что её обвинения было последним, что требовалось Маркусу, или высказаться, грубо и категорично, потому что выплеснуть эмоции - то, что сейчас очень нужно ей самой.

- Осуждаю, - спокойно согласилась Настя. - Осуждаю, - повторила она, и в голосе её появились нотки раздражения. - Что сделано, то сделано. Хоть об стенку головой бейся, ты этого уже не исправишь. Но не стоит все, что происходит сейчас, приписывать к одним и тем же событиям. Да, ты превращаешься в гиену, ну так и что с того? Это дар, и им стоит гордиться. Ты же привязываешься к существующим стереотипам и продолжаешь утверждать, что твои превращения - это наказание! Ну так скажи мне, а что с другими обитателями Линь Ян Шо, способными принимать звериный облик? Их тоже таким образом наказали?

- Ты унижаешь сам себя, твердя о том, что чего-то недостоем, что ты ничтожество и все в том же духе. Ты унижаешь этим и меня, показывая, что все, что я о тебе думаю и говорю хорошего - пустой звук, глупость, обман! Но я не глупый, наивный ребёнок, кто бы что ни думал, и прекрасно вижу, как все есть на самом деле! И вообще, какого черта вместо того, чтобы разочаровываться и обвинять тебя в чем-то, я сейчас стою и уговариваю тебя поверить в то, какой ты молодец!? - всхлипнула под конец девушка. Немного помолчала и уже гораздо спокойной закончила: - И вместо нормального разговора какая-то чехарда выходит?

Настя устало вздохнула и, оперевшись спиной о ближайшую стену, съехала по ней на пол. Сейчас, когда буря пошла на спад, за свою истерику стало стыдно.

Маркус Агирре

Некоторое время длилось молчание, а потом девушка начала говорить. И от её слов по спине молодого человека пробежали мурашки. Почему-то стало стыдно за то, что она сорвалась. Но он не знал, что ей говорить, чтобы не обмануть. Он мог раньше обманывать, но теперь он не хотел этого. Теперь, после какого-никакого примирения с отцом он старался что-то делать иначе, не так как всегда.

- Прости, - просто тихо сказал он, поворачиваясь к ней, а потом, постояв немного, подошёл к ней и опустил напротив нее на корточки. Осторожно взял её ладонь двумя руками и заглянул в глаза.

- Спасибо тебе, что ты меня выслушала. Спасибо, что высказала всё, что обо мне думаешь. Мне очень ценно твоё участие. Правда. Я всегда делал очень много плохого, я никогда никому не помогал, но, - он вздохнул, вспомнив, что при последней встрече Яреци его просила извиниться перед ее матерью, но он этого так и не сделал. Ладно, сделает как-нибудь потом.

- Настя, я уезжаю. В Африку. Через несколько дней. Меня пригласили помочь им в изучении гиен, и... Я не знаю, когда вернусь. Может, через неделю, может через месяц.

Собственно, никто его никуда не приглашал, но благодаря деньгам и связям отца он сможет туда поехать. У отца, оказывается, и в богами забытой Кении (хотя Кения, в отличие от некоторых соседей достаточно развитая страна) есть знакомые. Маркус глубоко вздохнул и посмотрел на девушку.

Анастасия Полякова

- Не всё, - едва слышно буркнула Настя, но руку не вырвала. Было приятно сидеть вот так, глядя друг другу в глаза и держась за руки. Можно было даже представить, что у них не эмоционально тяжёлый разговор состоялся, а просто дружеские посиделки после долгой разлуки. - И почему сразу "никогда"? Вороненка же ты спас, - уголками губ улыбнулась девушка, вспомнив их разговор в деревне, под конец которого она повредила ногу и Маркусу пришлось на руках нести её до лазарета.

- Уезжаешь? - Настя даже о собственных душевных терзаниях позабыла. Как и о недавней пылкой речи. Настолько выбило её из колеи это неожиданное известие. - Ох, как здорово, - неуверенно проговорила она, почему-то совсем не ощущая себя счастливой. И тут же мысленно вlepила себе пощечину: у Маркуса появилась возможность лучше изучить гиен, разобраться со своим зверем и увидеть незнакомые земли, а она себя так ведёт! Глупо и эгоистично!

- Нет, правда, это замечательно, - уже гораздо искреннее и веселее заявила девушка. - Конечно, я буду по тебе скучать, - мимоходом призналась она, - но надеюсь, что поездка пойдёт тебе на пользу. Может, и мне стоит ненадолго из монастыря уехать? Сколько я уже дома не была! - смущённо выдохнула Настя,

которой стало не по себе от того, что она так долго не виделась с семьёй. Эгоистка, как есть эгоистка. - Кстати, а ты разве зоолог? Или учишься на зоолога? Или еще на кого-то похожего? Ну, раз тебя пригласили гиен исследовать. Ведь не возьмут же в экспедицию первого встречного. Или что? Я этот момент не совсем поняла.

Маркус Агирре

Некоторое время Маркус просто молчал, глядя на их руки. Ухо зацепилось за слово "вороненок", и молодой Агирре долго втыкал, о чем она говорит. Вроде он никаких воронов не спасал, да и не особо он птиц любит. Но потом до него дошло, что девушка говорила про себя. Он вспомнил, как она упала, чуть не разревелась, и как он нес ее на руках по горам. Это было недавно. А потом он поехал в Пекин, спас отца, которого ограбили, и рассказал ему про свою способность.

Когда Настя стала убеждать его, что это очень здорово, что он уедет в опасную страну, ему стало неожиданно тоскливо и тяжело. Почему-то ему вдруг показалось, что если он уедет, то никогда больше не увидится с Настей. Наверное, это правильно. Он глубоко вздохнул. Убрал руку с руки девушки и встал на ноги. Вернулся к своему окну.

- Нет, я не зоолог. Я... гиена. Я не хотел заниматься со зверем, я думал, что смогу справиться с этим сам. А потом я чуть не загрыз подругу своей сестры. Я... хочу понять, как они себя ведут. И... мне страшно. Вдруг я снова на кого-то нападу?

Мысль, что он может ей причинить боль, вызвала у него ужас, и он прикрыл глаза.

- Мой отец имеет деньги и связи. Собственно, он мне сам это предложил, - договорил он.

Анастасия Полякова

Едва Маркус отошел к окну, Настя поднялась с пола вслед за ним и сделала несколько шагов вперед. Но тут же замерла, переминаясь с ноги на ногу, неуверенно сжимая руки и переплетая пальцы. Глупо было бы заявлять, что все это ерунда, что Маркус, конечно же, ни на кого не нападет и даже переживать не стоит. Потому что сам Маркус не нападет, а вот гиена... какой-никакой, но хищный зверь, подверженный инстинктам: почует кровь - и все.

"Я даже не знаю, что сказать," - вдруг отчетливо поняла Настя. Надо было как-то успокоить юношу, но в голове было пусто. Как вообще можно успокоить в подобной ситуации? Вряд ли хорошей идеей будет сказать, что наверняка у кого-то из исследователей будет ружье и в случае чего Маркуса успеют подстрелить до того, как он кого-то серьезно ранит. Наверное, это тот случай, когда лучше промолчать. Но ведь надо же что-то сказать! Хоть тему перевести, чтобы не так невежливо все было. Ружье, ружье, ружье... Было ведь в ее голове и что-то, связанное с оружием, что ее тоже интересовало. А ведь точно! На лекции по врачеванию, когда стали про раны от огнестрела говорить, Маркус хватался за руку!

- Ты никогда не получал ран? - тут же спросила Настя и сконфуженно добавила: - Огнестрельных. Я просто вдруг вспомнила твою реакцию на недавней лекции... когда про такие раны говорили, и... Вот же, - девушка провела рукой по лбу, словно

смахивая прочь лишни мысли, - извини, совсем не к месту. Просто мало ли. Там, в Африке, наверняка и охотников много. Не хотелось бы, чтобы тебя случайно ранили, если ты опять... перекинешься, - совсем уж скомкано закончила она.

"Вот и перевела тему, называется," - мысленно корила себя девушка.
